

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

Проблемы правоприменительной практики негласных следственных действий в Казахстане

Б. М. Нургалиев, К. С. Лакбаев, А. К. Кусаинова

Академия «Болашак»,
Республика Казахстан, 100003, Караганда, ул. Ерубаета, 16

Для цитирования: Нургалиев, Бахыт М., Лакбаев, Канат С., Кусаинова, Айман К. 2019. «Проблемы правоприменительной практики негласных следственных действий в Казахстане». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 577–585.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.312>

В статье рассматривается институт негласных следственных действий, введенный в законодательство Казахстана в 2014 г., который был заимствован из опыта европейских стран. Данный правовой институт направлен на более полное использование в уголовном процессе материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности. Основной вопрос заключается в серьезном отличии казахстанской модели уголовного судопроизводства (как и в большинстве постсоветских стран) от западной, где оперативная работа и досудебное расследование не отделены друг от друга, а тесно взаимосвязаны. Подобные новеллы были восприняты отечественными и зарубежными учеными далеко не однозначно: от полной поддержки до категорического отрицания. В качестве отрицательного примера рассматривается негативный опыт Украины, где аналогичный институт был введен в уголовно-процессуальное законодательство в 2012 г. Эксперты отмечают, что при этом возникает угроза необоснованного ограничения прав и свобод граждан, а также легитимности доказательств, полученных в результате негласных следственных действий. Главный их довод заключается в том, что такие действия не являются следственными, так как следователь не принимает участия в их непосредственном проведении, а лишь дает поручение оперативным службам. Более того, в отличие от других следственных действий, детальный порядок осуществления негласных в уголовно-процессуальном законе не описан, так как носит характер государственных секретов. С учетом многообразия точек зрения на новый процессуальный институт авторы делают вывод о двух возможных путях дальнейшего совершенствования законодательства: 1) полный переход на зарубежную модель, предусматривающую слияние функций оперативной работы и следствия; 2) отказ от негласных следственных действий и возврат

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

к прежней модели раздельного функционирования оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, скрытые расследования, негласные следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные меры, тайные полицейские операции.

1. Введение. Прошло уже более трех лет с того времени, как в Казахстане действует новая модель уголовного судопроизводства, основанная на передовом зарубежном опыте. Эта модель, как отмечал известный российский ученый Н. Г. Стойко, стала результатом широкомасштабной судебной-правовой реформы, сопровождающейся использованием зарубежного и международного опыта, правовыми заимствованиями, признанием международного права частью отечественной правовой системы и приведением ее в соответствие с международными правовыми стандартами (Стойко 2006, 2). Одной из значительных новелл в такой модернизации уголовного процесса стал институт негласных следственных действий (далее — НСД), дискуссии вокруг которого не прекращаются до сих пор. Согласно п. 12 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹ (далее — УПК РК), НСД — действие, проводимое в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных настоящим УПК. В перечень НСД входят негласные:

- 1) аудио- и/или видеоконтроль лица или места (ст. 242);
- 2) контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243);
- 3) получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами (ст. 244);
- 4) снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (ст. 245);
- 5) контроль почтовых и иных отправлений (ст. 246);
- 6) проникновение и/или обследование места (ст. 247);
- 7) наблюдение за лицом или местом (ст. 248);
- 8) контрольный закуп (ст. 250);
- 9) внедрение и/или имитация преступной деятельности (ст. 251).

Говоря о значении слова «негласность» в толковых словарях, можно отметить, что толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой понимает под ней недоступность для общественного ознакомления и обсуждения (Ожегов 1995). В других случаях «негласность» определяется через прилагательное «негласный», а именно как неизвестный другим, неявный, тайный (Ефремова 2000).

Необходимость в НСД была обусловлена стремлением к повышению эффективности уголовного процесса за счет включения в него ряда элементов смежной отрасли — оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Введение института НСД представляет собой попытку гармоничного объединения этих двух обособ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. Дата обращения 13 сентября, 2018. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.

ленных функций уголовной юстиции. В нашей правовой системе институт предварительного следствия служит дополнительной проверочной стадией между ОРД и судом, призванной отсекают недостоверные доказательства, полученные в ходе оперативных мероприятий (как известно, «особые совещания» и «тройки» НКВД за основу своих внесудебных решений брали их результаты, часто ничем другим не подтверждаемые) (Лакбаев, Нургалиев 2012, 247–253).

Во многих зарубежных странах эти функции изначально возникли и развивались как единая отрасль юридической науки. Методы и способы, которые наше сознание воспринимает как чисто оперативные методы (внедрение, контролируемые поставки, работа с конфидентами и т. д.), там органично развивались и до сих пор развиваются как специальные криминалистические методики. В зарубежных уголовно-процессуальные законы такие институты были включены гораздо раньше. Так, УПК ФРГ давно предусматривает тайную звукозапись, подслушивание телефонных переговоров и контроль за перепиской. В 1993 г. к ним добавились негласная фотосъемка и зарисовка портретов, использование специальных технических средств, аудио- и видеоконтроля. Более того, регламентируется даже конфиденциальная работа. В § 100с УПК ФРГ речь идет о полномочиях конфидента. Порядок придания результатам этих действий статуса доказательств является предметом толкования Верховного суда ФРГ (Филимонов 1994, 155–156). Также в германском законодательстве регламентирована деятельность тайных полицейских операций — это так называемые скрытые расследования, в ходе которых специальный «тайный дознаватель» (штатный сотрудник полиции) внедряется в окружение объектов оперативного интереса и изнутри собирает доказательства их преступной деятельности. Нормы УПК прямо регламентируют его негласный статус и формы собирания, изучения и фиксации фактических данных (Головненков, Спица 2012, 177–179).

Подобные негласные методы присутствуют в законодательстве многих европейских стран. Кстати, в отечественной юридической науке термин «оперативно-розыскная деятельность» был введен в практический оборот после принятия Верховным Советом СССР в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и издания впоследствии республиканских уголовно-процессуальных кодексов. В нормативных актах и специальной литературе, изданной до 1958 г., для обозначения деятельности оперативных аппаратов употреблялся термин «негласное расследование» (Гребельский 1977, 43).

Таким образом, стремление отечественной юридической науки к европейским стандартам обусловило двуединый путь трансформации бывшей системы социалистического права в современную модель. Необходимо либо наделить оперативных работников полномочиями по ведению уголовного процесса (т. е. функциями следователя), либо расширять процессуальный статус следователя за счет включения функций оперативного работника.

2. Основное исследование. Анализируя точки зрения ученых на перспективы дальнейшего развития института негласных следственных действий, невозможно обойти вниманием тот факт, что он не был воспринят однозначно научным сообществом и правоприменительными органами. Существует несколько подходов к его оценке, порой диаметрально противоположных.

Первая группа экспертов с самого начала однозначно поддерживает подобные нововведения и высказывает рекомендации по их совершенствованию. Так, А. Бан-

чук предлагает существенно увеличить количество НСД, которые могут быть осуществлены только с разрешения суда. Кроме того, по его мнению, нужно четко и однозначно определить максимальные сроки осуществления того или иного НСД. Необходимо на подзаконном уровне четко описать исчерпывающий перечень оснований запрета лицу иметь доступ к материалам завершенных НСД в отношении него (Банчук 2014). М. А. Михайлов предлагает усовершенствовать практику таких следственных действий за счет более детального обучения следователей негласной работе. Законодательное закрепление негласной работы следователя требует оперативной реакции специалистов в области уголовного процесса, криминалистики, а также ОРД и спецтехники для создания обстоятельных, эффективных, понятных и не вызывающих сомнений в законности рекомендаций по осуществлению этой деятельности (Михайлов 2013).

Другая группа экспертов видит ряд серьезных проблем в адаптации НСД к уголовно-процессуальной деятельности. Здесь прежде всего следует отметить мнение ученых Украины, где подобный институт — негласные следственные (розыскные) действия (далее — НСРД) — введен раньше, чем в Казахстане, в 2012 г. Они отмечают, что институт имеет существенные недостатки: 1) регламентация некоторых следственных (розыскных) действий осуществлена с серьезным ограничением конституционных прав и свобод человека; 2) их регламентация проведена без надлежащей системности, с повторами и конкуренцией правовых норм; 3) институт следственных (розыскных) действий не получил необходимой и совершенной процессуальной формы, которая служила бы достаточной гарантией как получения достоверных доказательств, так и защиты прав и свобод человека (Уваров 2013, 58). Ю. М. Грушевой полагает, что сама специфика НСРД предусматривает необходимость предоставления следователю разъяснений относительно процедуры их проведения, а это невозможно в рамках УПК, и еще раз подчеркивает необходимость разграничения следственных и оперативно-розыскных действий, которые должны быть урегулированы отдельно (Грушевый 2009).

Отмечаются и сопутствующие проблемы, связанные с введением НСРД. По мнению М. А. Погорецкого, этим шагом был практически ликвидирован институт оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства. Как следствие, расширились возможности подозреваемых, обвиняемых и других заинтересованных лиц применять различные меры противодействия органам досудебного расследования и суда (воздействие на свидетелей и потерпевших путем угроз, подкупа и т. п.). Ученый также справедливо указывает, что процессуальная форма проведения НСРД несовершенна, что создает проблемы при использовании их результатов в уголовно-процессуальном доказывании (Погорецкий 2013).

Видит проблематику в новом институте и казахский специалист в сфере уголовного процесса А. Н. Ахпанов. По его мнению, новые способы собирания доказательств адекватны современным криминальным вызовам и угрозам, повышают безопасность участников процесса и обеспечивают надежность доказывания по глубоко законспирированным деяниям. В то же время НСД могут быть оперативно определены как вспомогательные по отношению к следственным действиям, тайные от заинтересованных в исходе дела участников процесса способы собирания доказательств с применением информационных технологий, направленные на установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу, приме-

няемые с соответствующей санкции (прокурора или следственного судьи) в ходе досудебного производства по постановлению либо поручению органа досудебного расследования. Поэтому А. Н. Ахпанов считает, что перечень НСД должен быть значительно сокращен:

- аудиоконтроль и/или видеоконтроль лица или места;
- контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами;
- снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- контроль почтовых и иных отправлений (Ахпанов 2013).

Таким образом, должны остаться только те НСД, которые предполагают получение технически зафиксированных фактических данных. А. Н. Ахпанов ссылается на аналогичные нормы, существовавшие в прежнем УПК РК (ст. 236 и 237 — перехват сообщений; прослушивание и запись переговоров), которые, по его мнению, фактически являлись НСД в современной трактовке. Остальные НСД предлагается исключить из УПК, поскольку в их результате, как правило, получается вербальная (словесная) информация.

Аргументы А. Н. Ахпанова таковы. Во-первых, только НСД, предложенные к сохранению в проекте УПК, обеспечат собирание информации с помощью технических средств и информационных технологий, проверяемой с позиций относимости, допустимости и достоверности, могущей иметь доказательственное значение по уголовному делу. Во-вторых, исключаемые НСД определяют не оперативно-процессуальную форму доказывания, а тактику ОРД при их проведении, выходящую за пределы поручения следователя органам дознания. В-третьих, полученная в их результате вербальная информация имеет лишь ориентирующее значение для обнаружения новых источников доказательств, но не может использоваться как доказательства. А. Н. Ахпанов считает, что представленные следователю на основании оформленного им в соответствии с предписаниями закона постановления результаты сохраняемых НСД являются самостоятельным источником доказательств — документами (ч. 2 ст. 120 проекта УПК) с приложением соответствующих технических носителей. Они могут быть признаны следователем, прокурором, судом допустимыми или недопустимыми ввиду соответствия процессуальной форме. Относимость и достоверность результатов таких НСД проверяется на общих основаниях (экспертизы, допросы, очные ставки, предъявление в ходе допроса, сопоставление с другими доказательствами и т. д.). При проверке их результатов должна обеспечиваться закрытость носителя и способа получения конфиденциальной информации в соответствии с требованиями законодательства (Ахпанов 2013).

Наконец, существует третья группа экспертов, которые принципиально не согласны с институтом НСД. Так, по мнению Б. Х. Толеубековой, оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) в новом УПК РК названы «негласными следственными действиями», но, по существу, следственными действиями не являются. Они только иницируются следователем, а после их проведения — исследуются, по результатам чего составляется протокол. НСД, будучи по природе своей

ОРМ, регламентируются не законом, а ведомственными нормативными актами. Отнесение ряда ОРМ к категории следственных действий (пусть даже негласных) само по себе разрушает традиционные представления о системе признаков, характерных для института следственных действий (Толеубекова 2013, 13).

Одним из категорических противников НСД является и А. Я. Гинзбург — известный казахстанский специалист в сфере уголовного процесса и ОРД. Он также считает, что институт НСД разрушает все представления об отечественной науке уголовного процесса, системном уголовно-процессуальном законе и практике доказывания в уголовном судопроизводстве. В сфере доказывания, с его точки зрения, циркулирует информация двух видов: процессуальная, регламентируемая УПК РК, и непроцессуальная, в том числе регламентируемая Законом РК «Об оперативно-розыскной деятельности»². В составе процессуальной информации, полученной в соответствии с УПК РК в результате следственных действий, выделяется доказательственная информация, составляющая содержание доказательств, служащая целями доказывания. В структуре непроцессуальной информации выделяется информация, полученная в результате ОРД. В отношении процесса доказывания такая информация является ориентирующей, вспомогательной (для решения дальнейшего направления расследования, подготовки и тактики проведения следственных действий и т. д.). Таким образом, эти различные виды государственной деятельности, успешно сосуществуя и взаимодействуя, но не поглощая друг друга, решают задачи укрепления законности в стране. Поэтому попытка слияния, интеграции уголовного процесса и ОРД, по мнению А. Я. Гинзбурга, противоречит основам казахстанского уголовного процесса и его историческому развитию, ведет в конечном счете к хаотичности и разрушению процессов указанных государственных видов деятельности и их законодательных основ. Исходя из этого, ученый предлагает исключить из УПК РК раздел «Негласные следственные действия» как противоречащий Конституции РК, науке уголовного процесса и уголовно-процессуальной деятельности (Гинзбург 2013).

Кроме того, А. Я. Гинзбург считает НСД нелегитимными. Согласно законодательству, каждое следственное действие должно быть не только названо, но и достаточно четко и полно регламентировано как по форме, так и по содержанию. В УПК регламентация самого процесса НСД полностью отсутствует. В то же время регламентировать в УПК их процедуры невозможно, поскольку это противоречит Закону РК «О государственных секретах»³. Поэтому возникает вопрос: как может правомерно осуществляться следственное действие, если порядок его проведения законом не предусмотрен (Гинзбург 2013)?

3. Выводы. Таким образом, несмотря на внешнее соответствие института НСД современному зарубежному опыту, различия в концепциях уголовного процесса показывают серьезные проблемные вопросы, связанные с их введением в казахстанское законодательство. Поэтому перед нами стоит дилемма: либо полностью адаптировать уголовный процесс под западную модель (со слиянием в одном лице

² Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности». Дата обращения 13 сентября, 2018. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000>.

³ Закон Республики Казахстан от 15.03.1999 № 349-І «О государственных секретах». Дата обращения 13 сентября, 2018. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349>.

фигур оперативника и следователя), либо признать введение института НСД ошибочным и вернуться к прежней модели.

Библиография

- Ахпанов, Арстан Н. 2013. «Конструктивно-критический подход к проекту новой редакции УПК Республики Казахстан». *Право и государство* 3 (60): 51–55. Алматы. Дата обращения 13 сентября, 2018. <http://km.kazguu.kz/uploads/files/11%20Ахпанов%2051-55.pdf>.
- Банчук, Александр А. 2014. «Начало досудебного расследования и негласные следственные действия в новом УПК Республики Казахстан: международные стандарты и практика их применения». *Сетевое издание «Zakon.kz»* Ноябрь. Дата обращения 13 сентября, 2018. <https://www.zakon.kz/4676710-nachalo-dosudebnogo-rassledovaniya-i.html>.
- Гинзбург, Александр Я. 2013. «Читая проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. О так называемых “негласных следственных действиях”. Глава 30 проекта УПК РК (от 28 февраля 2013 г.) (в порядке обсуждения)». *Сетевое издание «Zakon.kz»* 26 марта. Дата обращения 13 сентября, 2018. <https://www.zakon.kz/4548079-chitaja-proekt-ugolovno-processualnogo.html>.
- Головненков, Павел В., Наталья В. Спица. 2012. *Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона*. Потсдам: Universitätsverlag Potsdam. Дата обращения 13 сентября, 2018. <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>.
- Гребельский, Дмитрий В. 1977. *Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел*. М.: Академия МВД СССР.
- Грушевый, Юрий М. 2009. «Шляхи вдосконалення судоустрою та судочинства України». *Науковий висник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ* 4: 193–203.
- Ефремова, Татьяна Ф. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык. Дата обращения 13 сентября, 2018. <http://www.efremova.info/word/neglasnost.html>.
- Лакбаев, Канат С., Бахыт М. Нургалиев. 2012. «Негласные следственные действия: история, понятие, проблемы, перспективы». *Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности*. Калининград: БФУ им. И. Канта: 247–253.
- Михайлов, Михаил А. 2013. «Негласная деятельность следователя: размышления о новациях УПК Украины 2012 г.». *Воронежские криминалистические чтения* 15: 220–226.
- Ожегов, Сергей И., Наталия Ю. Шведова. 1995. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азъ. Дата обращения 13 сентября, 2018. <http://poiskslov.com/word>.
- Погорецький, Микола А. 2013. «Негласні слідчі (розшукові) дії: проблеми провадження та використання результатів у доказуванні». *Юрид. часопис Нац. акад. внутр. справ*. 1: 270–277.
- Стойко, Николай Г. 2006. *Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Толеубекова, Бахиджан Х. 2013. «Система следственных действий по проекту новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан». *Современные взгляды на систему права*. М.: Московский центр правовых исследований: 12–19.
- Уваров, Владимир Г. 2013. «Система негласных следственных (розыскных) действий по УПК Украины». *Законность* 11: 58–61.
- Филимонов, Борис А. 1994. *Основы теории доказательств в германском уголовном процессе*. М.: Спарк.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать 17 мая 2019 г.

Контактная информация:

Нургалиев Бахыт Молдатъевич — д-р юрид. наук, профессор; nbake@mail.ru

Лакбаев Канат Саметович — д-р юрид. наук, профессор; k.lakbaev@mail.ru

Кусаинова Айман Кудайбергеновна — канд. юрид. наук, доцент; aiman_kusainova@mail.ru

Problems of law enforcement practice of secret investigative actions in Kazakhstan

B. M. Nurgaliev, K. S. Lakbaev, A. K. Kussainova

Academy of “Bolashak”,

16, ul. Yerubaeva, Karaganda, 100003 Republic of Kazakhstan

For citation: Nurgaliyev, Bakhyt M., Lakbaev, Kanat S., Kussainova, Aiman K. 2019. “Problems of law enforcement practice of secret investigative actions in Kazakhstan”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 577–585. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.312> (In Russian)

At present, the legal system of Kazakhstan is undergoing a period of dynamic reform based on the advanced experience of developed European countries. The reform process is aimed at improving the efficiency of the criminal justice system by including new methods of obtaining forensic evidence. At the same time, the Kazakhstan model based on the Soviet period has significant differences from the Western model. The most important of them is the separate functioning of types of legal activity, such as operational investigative activities and criminal proceedings. This article analyzes the different points of view on the institute of secret investigative actions, which was introduced into the legislation of Kazakhstan in 2014. One group of lawyers supports these norms. Other scholars categorically object to this legal institution because of potential violations of human rights and freedoms. Relevant issues of law enforcement practice of this institution are also examined. Since the introduction of the institute of unspoken investigations into Kazakhstani criminal procedural legislation, serious problems of the theory and practice of criminal proceedings have become apparent. One of the central problems is the continuing separation of police services into operational and investigative units. Such a division does not correspond to the foreign model of pre-trial investigation, where such a division is absent. There are two ways to solve the accumulated problems. The first way is to eliminate the division into operational and investigative units. The second way is to eliminate the secret investigative actions from the current legislation and return to the previous model. These proposals can be the ground for further scientific discussion of the positive and negative sides of the secret investigative actions. On their basis, proposals may be developed for further reforming Kazakhstan’s criminal procedure legislation.

Keywords: criminal process, hidden investigations, investigative actions, secret investigative actions, operative-search activity.

References

- Akhpanov, Arstan N. 2013. “A constructive-critical approach to the draft new edition of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan”. *Pravo i gosudarstvo* 3 (60): 51–55. Almaty. Accessed September 13, 2018. <http://km.kazguu.kz/uploads/files/11%20Ахпанов%2051-55.pdf>. (In Russian)
- Banchuk, Aleksandr A. 2014. “Initiation of pre-trial investigation and secret investigative actions in the new Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan: international standards and practice of their application”. *Setevoe izdanie “Zakon.kz”* November. Accessed September 13, 2018. <https://www.zakon.kz/4676710-nachalo-dosudebnogo-rassledovaniya-i.html>. (In Russian)
- Efremova, Tat’iana F. 2000. *New Dictionary of Russian. Interpretative and word-building*. Moscow, Russkii iazyk Publ. Accessed September 13, 2018. <http://www.efremova.info/word/neglasnost.html>. (In Russian)
- Filimonov, Boris A. 1994. *The basis of the theory of evidence in the German criminal process*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Ginzburg, Aleksandr Ia. 2013. “Reading the draft of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. About so-called ‘secret investigative actions’”. Chapter 30 of the draft CPC RK (dated Febru-

- ary 28, 2013) (in the order of discussion)". *Setevoe izdanie "Zakon.kz"* March 26. Accessed September 13, 2018. <https://www.zakon.kz/4548079-chitaja-proekt-ugolovno-processualnogo.html>. (In Russian)
- Golovnenkov, Pavel V., Natal'ia V. Spitsa. 2012. *Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law*. Potsdam, Universitätsverlag Potsdam Publ. Accessed September 13, 2018. <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/front-door/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>. (In Russian)
- Grebel'skii, Dmitrii V. 1977. *Theoretical bases and organizational and legal problems of operatively-search activity of law-enforcement bodies*. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ. (In Russian)
- Grushevyi, Iurii M. 2009. "Ways to improve the judiciary and legal proceedings of Ukraine". *Naukovii visnik Dnipropetrovs'kogo derzhavnogo universitetu vnutrinshnikh sprav* 4: 193–203. (In Ukrainian)
- Lakbaev, Kanat S., Bakhyt M. Nurgaliev. 2012. "Tacit investigative actions: history, concept, problems, prospects". *Aktual'nye problemy ispol'zovaniia situatsionnogo podkhoda v iuridicheskoi nauke i pravoprimeritel'noi deiatel'nosti*. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ.: 247–253. (In Russian)
- Mikhailov, Mikhail A. 2012. "Tacit activities of the investigator: reflections on the innovations of the Criminal Procedural Code of Ukraine in 2012". *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniia* 15: 220–226. (In Russian)
- Ozhegov, Sergei I., Nataliia Iu. Shvedova. 1995. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Az' Publ. Accessed September 13, 2018. <http://poiskslov.com/word>. (In Russian)
- Pogorets'kii, Mikola A. 2013. "Non-Complicated (search) actions: problems of production and use of the results in evidence". *Iurid. chasopis Nats. akad. vnutr. sprav* 1: 270–277. (In Ukrainian)
- Stoiko, Nikolai G. 2006. *The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Roman-German legal systems*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russian)
- Toleubekova, Bakhidzhan Kh. 2013. "The system of investigative actions on the draft new version of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan". *Sovremennye vzgliady na sistemu prava*. Moscow, Moscow Center of Legal Research: 12–18. (In Russian)
- Uvarov, Vladimir G. 2013. "System of secret investigative (search) actions under the Criminal Procedure Code of Ukraine". *Zakonnost'* 11: 58–61. (In Russian)

Received: September 14, 2018

Accepted: May 17, 2019

Author's information:

Bakhyt M. Nurgaliyev — Dr. Sci. in Law, professor; nbake@mail.ru

Kanat S. Lakbaev — Dr. Sci. in Law, professor; k.lakbaev@mail.ru

Aiman K. Kussainova — PhD in Law, associate professor; aiman_kusainova@mail.ru